

ИМЯ Елены Андреевны Штакеншнейдер тесно связано с историей русской литературы и общественной жизни России прошлого века. Она была хозяйкой знаменитого петербургского литературно-музыкального салона, задуманного еще в середине 1850-х годов ее отцом — известным петербургским архитектором Андреем Ивановичем Штакеншнейдером, создателем Мариинского дворца и других замечательных зданий в Петербурге и Тергерфе, профессором Академии художеств.

В его обширном доме на Миллионной с уютными гостиными, помпейской залой и даже модным в то время зимним садом собирались художники, артисты, философы, общественные деятели, сановники, студенты... Здесь бывали писатели и поэты — Аполлон Майков, Яков Полонский, Дмитрий Аверкиев, Константин Случевский, Михаил Михайлов, Алексей Потехин, Гончаров, Писемский, Помаловский, Страхов, Гаршин...

Достоевский впервые появился в этом доме в начале 1860-х годов, вскоре после возвращения из Сибири, но особенно часто стал бывать у Штакеншнейдеров в 1879—1880-х годах, стараясь не пропускать их субботние вечера и «вторники», принимал участие и в любительских спектаклях, и в литературных чтениях.

В его записных книжках приведены все адреса, по которым жили Штакеншнейдеры после смерти отца, продолжая окружать себя всем тем, что было лучшего в мире искусства и литературы. А в последние годы, когда они поселились на Знаменской, Достоевский любил, выходя на прогулку из своего дома в Кузнечном, зайти к ним просто так, «на минутку» и засиживался до глубокой ночи.

По словам А.Г. Достоевской, «Федор Михайлович очень уважал и любил Елену Андреевну Штакеншнейдер за ее неизменную доброту...». Он особенно ценил ее недюжинный ум, наблюдательность, доброжелательный интерес к людям. «Нуждаюсь во всем Вашем человеколюбии и разумном снисхождении к людям», — писал он ей в одном из своих писем. И Елена Андреевна относилась к Достоевскому с особым вниманием и чуткостью. Для нее он был не только великим писателем, но и учителем жизни.

В мемуарной литературе встречается немало страниц, посвященных семье Штакеншнейдеров. Посещения Достоевским их гостеприимного дома описаны и А.Г. Достоевской в ее «Воспоминаниях», и в книге В. Микулич «Встреча со знаменитостью» (М., 1903), и в недавно опубликованных нами воспоминаниях ее племянника А. Эйнера («Знамя», № 11, 1991). Но более всего они отражены в Дневнике Е.А. Штакеншнейдер и в ее начатых в 1884 году и неоконченных воспоминаниях о Достоевском, выпущенных в 1934 году издательством «Academia»: Е.А. Штакеншнейдер. Дневник и Записки (1854—1886). Редакционная статья и комментарии И.Н. Розанова.

Розанов отметил, что не все тетради Дневника и Записок Елены Андреевны дошли до исследователей, что в «Голосе минувшего», где они стали появляться в 1916 году, были опубликованы лишь «выдержки из них».

НЕОБХОДИМО было искать архив Штакеншнейдеров, чьи потомки очень ответственно и бережно относились ко всему, что связано с их домом, их родственным окружением и знаменитыми гостями. Еще в 1930-е годы немало семейных реликвий было передано в Государственный литературный музей славных историографом семьи Штакеншнейдеров Галиной Павловной Эйнер (сестра Елены Андреевны Ольга вышла замуж за Эйнера). И с нею, и с сестрой Машей (в браке Поповой) Достоевский был дружен. Их имена часто упоминаются в его переписке с Еленой Андреевной.

Маша сумела сохранить часть обстановки той гостиной в доме Штакеншнейдеров, где Достоевский читал еще не опубликованные страницы «Братьев Карамазовых». Ныне ее можно увидеть в Омске в Литературном музее имени Ф.М. Достоевского.

Немало для поисков и спасения семейных реликвий Штакеншнейдеров, сроднившихся с известными в России фамилиями, было сделано летописцем семейства Натальей Борисовной Мешковой-Малиновской.

О документах из архива Штакеншнейдеров, приобретенных Государственным литературным музеем в 1930-е годы, В.Д. Бонч-Бруевич, его основатель, писал Наталья Владимировна Штакеншнейдер в 1937 году, желая присоединить хранящиеся у нее материалы к фонду Штакеншнейдеров, беспокоясь о том, чтобы они не исчезли безвозвратно. Еще в 1933 году она

писала ему, что у нее имеется историко-литературный материал 1850—1880-х годов, принадлежавший ее тетке Е.А. Штакеншнейдер.

Письмо пришло из Харькова. С Изюмским уездом Харьковской губернии были связаны братья Штакеншнейдеры — Адриан и Владимир. Адриан, которого Достоевский называл своим «дорогим сотрудником» (он советовался с ним, когда создавал в «Братьях Карамазовых» сцены, посвященные следствию и суду над Мигей Карамазовым), служил прокурором изюмского окружного суда. «Большой практик», — говорил о нем Достоевский. Отец Натальи Владимировны также служил по судебной части при харьковском акцизном управлении. И с ним, встречаясь в Петербурге, Достоевский консультиро-

вался... Дневник переписан на пишущей машинке в период издания его «Русским вестником». Подлинник не сохранился, напечатано не было.

2 февраля 1934. Борис Осипович Борович. Харьков».

Это одна из тех дневниковых записей Е.А. Штакеншнейдер, на основе которых она начинала писать воспоминания о Достоевском. Так и озаглавлена эта запись — «О Достоевском». Но 1878 год, указанный сверху, не имеет к ней отношения. За этот год не сохранилось ни одной строчки Елены Андреевны. Публикуемая запись сделана в 1879 году, что следует из содержания: так, «недавнее политическое убийство», о котором говорили в гостинице, произошло в Москве 5 марта 1879 года; первые знаменитые чтения в пользу

Литературного фонда, в которых принимали участие Тургенев, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Полонский, Плещеев и другие, состоялись 9 марта, затем были повторены в пятницу, 16 марта. К Штакеншнейдерам Достоевский пришел 17 марта, на следующий день.

Оба вечера, проходившие в дни, когда И.С. Тургенев был в Петербурге проездом из Парижа, описаны в воспоминаниях многих современников, широко освещались в газетах. Елена Андреевна передает рассказ самого Достоевского об этих вечерах, вызвавших необычайное оживление в обществе.

Чуткая, наблюдательная, хорошо знавшая и понимавшая характер Достоевского, Елена Андреевна почувствовала, что он был чем-то очень расстроен и гру-

боко обижен 16 марта. «...На этот раз было за что обидеться», — сочувствует она Достоевскому, услышав его рассказ о том, что произошло после только что окончившегося вечера. Полонский, которого с Достоевским связывали многолетние добрые отношения, не пригласил его на свою очередную «пятницу», где Федор Михайлович был постоянным посетителем. Видимо, Достоевский долго не забывал этой обиды. «...Полонский боится пускать нас в одну комнату с Тургеневым», — передает она эти слова Федора Михайловича в своей записи от 10 октября 1880 года, опубликованной в издании 1934 года. Действительно так было или это «литературная» сплетня, впрочем, весьма похожая на правду», — замечает И. Волгин в книге «Последний год Достоевского», приводя слухи об этой сцене. Рассказ До-

стоевского, записанный Еленой Андреевной по горячему следу, снимает сомнения в достоверности этого случая, в котором нашли отражение сложные многолетние отношения между Достоевским и Тургеневым. Тем не менее на «пятницу» у Полонского они были оба.

В записи Елены Андреевны примечательно ее наблюдение о том, что в 1879 году Достоевский «без малейшего оттенка недоброжелательства» говорит о Тургеневе, разрыв с которым произошел в 1867 году в Баден-Бадене, когда Достоевский резко высказался о романе «Дым». Ему было непримемлемо «крайнее западничество» автора романа.

Теперь писатели пожали друг другу руки. Дружеским рукопожатием они обменялись и на эстраде, когда вышли вместе, вызванные после чтения восторженной публикой.

Запись Елены Андреевны дает представление о том, что в отношениях между писателями появляется в конце 1870-х годов что-то новое, ведущее к сближению, что проявится затем особенно ярко на Пушкинском празднике в Москве.

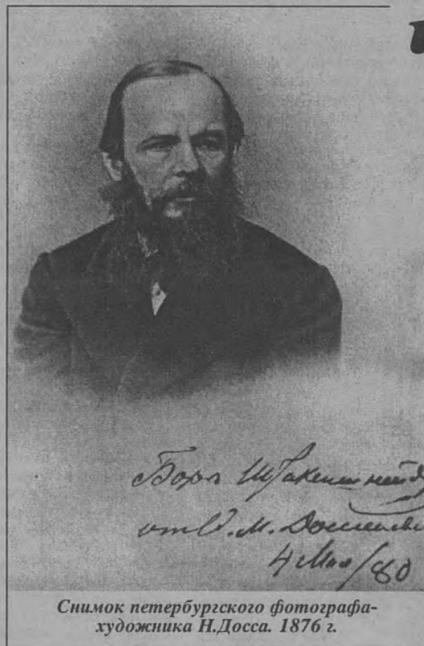
Елена Андреевна передает ту радостную интонацию, с какой Достоевский рассказал ей о беседе с Салтыковым-Щедриным 9 марта на первом вечере (на втором его не было). Достоевский читал еще не опубликованную главу из «Братьев Карамазовых» — «Исповедь горячего сердца». Щедрин похвалил и чтение, и роман (публикация его началась в «Русском вестнике» в январе 1879 года). Этот отзыв Щедрина был неизвестен. Характерен такой штрих в рассказе Достоевского, как напоминание Щедрина о несогласии воззрений, чтобы «убедить в искренности» похвалы. Известно, как заботились и Щедрин, и Достоевский о верности направлению, которому каждый служил. Но, как ни остра была их полемика, начавшаяся еще в 1860-е годы, оба никогда не колебались в высокой оценке таланта друг друга.

«Трудный» был гость Достоевский, заметила В. Микулич, познакомясь с ним на вечерах у Штакеншнейдеров. Раздражала иных его капризность, подозрительность, сумрачность, общительность. Но Елена Андреевна его чрезвычайно общительность, все его «выходки невдержанного ребенка» объясняла его скромностью, неумением ценить себя и сознавать вполне свою духовную силу.

В публикуемой записи, к сожалению, оборванной на полуслове, она рассказывает о гениальном писателе ярко, тонко и с добрым юмором.

Галина КОГАН

Лит. газетам. — 1996. — 2 окт. — с. 6. Какой мучительный иногда человек Достоевский...

Неизвестные страницы из Дневника Е.А. Штакеншнейдер

Гостиная в доме Штакеншнейдеров. 80-е гг.

вался по юридическим вопросам. В Изюмском уезде, в Каменке, любила бывать и подолгу гостила и Елена Андреевна.

Каменка была родовым имением Ивана Васильевича Малиновского, старшего сына Василия Федоровича Малиновского, первого директора Царскосельского лицея.

Адриан и Владимир Штакеншнейдеры были женаты на родных сестрах — дочерях Ивана Малиновского, лицейского товарища Пушкина. (И Софье Ивановне, жене Адриана, когда она жила у Штакеншнейдеров, Достоевский не забывал посылать в письмах к Елене Андреевне «душевные поклоны».)

Елена Андреевна приглашала в Каменку — «на натуре» — и Ф.М. Достоевского, когда он говорил с нею о продолжении «Братьев Карамазовых». Там жили «ссылъные старого времени» — бывший декабрист барон Андрей Розен, женатый на Анне Малиновской, последовавшей за ним в Сибирь, Мария Малиновская, за которой ухаживал Пушкин, вышедшая замуж за любимого лицейского товарища Пушкина Владимира Вольховского.

Наталья Владимировна, собиравшаяся сама заняться изучением архива Елены Андреевны, не успела передать его в Москву. Но она сумела сохранить в Харькове в годы Великой Отечественной войны некоторые семейные реликвии. Эрмитажу она передала живописный портрет В.Ф. Малиновского, а Московскому музею Достоевского подарила фотографию писателя с надписью «Боре Штакеншнейдеру от Ф.М. Достоевского 4 мая/80», рассказав, что фотография была вручена ее брату в день рождения, когда Федор Михайлович пришел навестить их родителей — Владимира Андреевича и Марию Ивановну, рожденную Малиновскую.

Она сохранила и публикуемые ныне машинописные страницы (на «удервуде») из Дневника Елены Андреевны, о которых сообщала до войны В.Д. Бонч-Бруевичу. Мне удалось обнаружить в его архиве еще одно упоминание о них.

«Дневник Е.А. на 2-х листах (8 страниц большого формата) 1860—78 гг. о Достоевском, Тургеневе и других писате-

КАКОЙ мучительный иногда человек Достоевский. В прошедшую субботу было у нас несколько человек гостей, между прочим Полонский и Достоевский. Достоевский приехал с женой и начал с того, что захотел непременно сесть возле меня, где сидела уже Елизавета Васильевна Шульц. Она уверяла потом, что будто бы он ее даже толкнул при этом, но наденю, что она это говорит только для того, чтобы меня подразнить. Как бы то ни было, но она отодвинулась вместе со своим креслом, не уступила его ему, чтобы, как выражается, спасти свое достоинство, а ему молодые люди подставили стул. Мама обыкновенно играет в карты, а хозяйничать в гостиной приходится мне. Я страшно теряюсь при неспешающемся обществе. Мало гостей — все даю, что им скучно, много — иногда еще хуже, ну а такой гость, как Достоевский, который всех интересует и с которым никого не смеешь знакомить, просто беда иногда. Тетенька Ливотова, со своей обычной любезностью, подошла к нему и сказала несколько приветливых слов, напомнила о себе и получила в ответ: «А я вас забыл». Но немного погодя он оговорился. «Вы на меня не сердитесь, — сказал он, — я больной человек, и падуная отшибла у меня память».

Это правда, он очень болен и, кроме падуны, страдает еще эмфиземой. На него обижаться и сердиться не следует, нельзя. Тем более нельзя, что, не говоря уже о его огромном значении как писателя, а теперь уже и как учителя, он в самом деле добрый человек. Нуждается сам, сколько помогает он бедным из последних средств. Да и самые грубоности его или дерзости, о которых столько говорят, не успеют от их произности, как уже по глазам его видно, что он расквашен. Он довольно остроумен, чтобы казаться злым, и слишком болен, чтобы не быть раздражительным. Да и что переносит он и что переносит, вечно нуждается и вечно работает нервами, нервами, так сказать, кормя семью свою. Есть вопросы, которые он не переносит, например, вопрос о его здоровье. Растерявшись от сцен с креслом и видя его как-то особенно бледным, я в растерянности своей сделала ему этот роковой вопрос. И надо было видеть, как исказилось и еще более пожелтело его лицо. Он закричал на меня, и злость и боль слышались в этом крике. Но, по счастью, в общем шуме и гомоне его никто не слышал.

Граф Тизенгаузен как светский человек навел разговор на общую тему, в которой легко было принять участие всем и Достоевскому, конечно, но он упорно молчал. Эту тему доставило новое, недавнее политическое убийство. В Москве, в гостинице Мамонтова, найден труп неизвестного человека с надписью на спине: «Так казнят русские социалисты — революционеры, шпионы».

Достоевский молчал, и я не заговаривала с ним, ду-

мая, что он так, может быть, успокоится, мне казалось, что у него что-то есть на душе особенное, чем он недоволен. Подходил Полонский, но и его он оборвал, и Полонский отошел. Так мы с ним рядом и сидели, вдруг он обратился ко мне: «А вы за что не хотите говорить со мной? Целый час не обращаете на меня внимания, занимайтесь другими, а от меня отворачиваетесь. Вы, верно, недовольны мной. Я чем-нибудь огорчил вас. Это вы, верно, за Случевского, что я его дребедень не читал. О, женщины, все только фальшь, лицемерие. Вы мне мстите, за что? Что я вам сделал?»

Это было предисловие, но скоро открылась и настоящая причина его недовольства. Я не ошибалась, что он был чем-то особенно недоволен. Его обидел Полонский.

Полонский — чудак. И, по правде сказать, на этот раз было за что обидеться и менее обидчивому человеку, чем Достоевскому.

Накануне было наконец-то знаменитое чтение в пользу Литературного фонда, на котором должны были читать приехавший из-за границы Тургенев, Достоевский и затем Полонский, Салтыков и проч... Большая часть оаций досталась на долю Тургенева и Достоевского, и все сошло как нельзя лучше, и все было довольны, но под самый конец, когда все уже разошлось, расходились, тут-то и случилось, что Полонский обидел Достоевского.

Их жены были тоже там, и, прощаясь, Жозефина Антоновна стала звать Анну Григорьевну к себе, чай пить, то ведь была пятница, приемный день Полонского. Мужья стояли возле них, и Полонская шепнула Якову Петровичу, — но я лучше передам словами самого Федора Михайловича: «Она шепнула Полонскому: «Позови Достоевского», а Полонский дернул ее за платые и говорит: «Оставай». И не позвал меня, а повернулся и говорит: «Приезжайте завтра к Елене Андреевне, мне надо кое-что передать вам». Я очень хорошо понял этот маневр, — продолжал Достоевский, — это он не хотел, чтобы я встретился у него с Тургеневым. Да что он думает, Полонский-то, что я не умею держать себя в обществе? Вот в среду мы оба, Тургенев и я, будем же у графини Толстой, и будем читать. Да и вчера Тургенев наговорил мне комплиментов, и я пожал ему руку и сказал ему, что он прекрасно читает».

Тут я не могла не расхохотаться. Идея сказать Тургеневу, у которого голос, как у придавленного цыпленка, что именно он хорошо или даже прекрасно читает, показалась мне слишком забавной. Может быть, Достоевский сказал это и без иронии, но выходило все-таки смешно. Между тем Достоевский, высказавшись, видимо успокоился и стал рассказывать дальше о вечере, как при появлении Тургенева вся публика встала и стоя приветствовала его. Он это рассказывал без малейшей зависти, без малейшего оттенка недоброжелательства к Тургеневу, хотя всем известно, что они друг друга не любят, а с того свидания в Баден-Бадене, которое сам Достоевский описал и послал Бартевну в

Москву, напечатать в «Русском Архиве» после смерти их обоих, даже враги.

Но одного Достоевский, верно, не заметил в тот вечер, иначе, наверно, бы не простил, а именно, что Тургенев вставшую перед ним публику движением руки снова пригласил сесть. Признаюсь, все дерзости больного Достоевского симпатичнее этого с высоты своего величия движения руки светского Тургенева. Какое надо иметь самомнение, чтобы позволять себе нечто подобное.

Рассказал еще он, как много лестного сказал ему Салтыков о романе его и о его чтении, напомнив ему при этом, чтобы заверить его в своей искренности, что ведь вообще он не разделяет его воззрений.

А Гаевский Виктор Павлович, устроитель вечера, выразил ему свое удивление, что он так популярен у молодежи. «Я этого и не подозревал», — говорил он. «Он этого и не подозревал, — не без ядовитости повторял Достоевский. — А молодежь хотела устроить мне еще отдельную овацию там же, да я от нее улизнул и уехал потихоньку».

Полонский, не приглашая к себе Достоевского, не только не желал его обидеть, но даже приносил жертву, лишая себя удовольствия принять у себя Достоевского. Он всегда рад, когда Достоевский, к тому же у него редкий гость, приезжает, за Достоевским же бегают везде. Но Полонский странный человек, он берет на себя иногда совершенно лишние заботы. Вместо того, чтобы игнорировать то, что игнорируют, игнорировать можно и предоставить...

¹ Жена сенатора Шульца.

² Близкий друг семьи Штакеншнейдеров.

³ По свидетельству А.Г. Достоевской, Федор Михайлович «чрезвычайно не любил вопросов о здоровье не только от чужих, но даже близких».

⁴ Достоевский, по-видимому, был так поглощен обидой, что не обратил внимания на обсуждение проблем, которые всегда его живо занимали.

⁵ Софья Андреевна Толстая — вдова поэта графа Алексея Константиновича Толстого, хозяйка литературного салона. Достоевский читал у нее несколько глав из «Братьев Карамазовых» еще до их публикации.

⁶ В записи Елены Андреевны он называет среду как день, в который они с Тургеневым приглашены на вечер к С.А. Толстой. В «Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1875—1881» (СПб., 1995, с. 310) датой этой встречи названо 17 марта, суббота, — день, в который Достоевский был у Штакеншнейдеров.

⁷ П.И. Бартевнев, редактор «Русского архива», получил не письмо Достоевского, а копию той части его письма А.Н. Майкову от 16/28 августа 1867 г., в которой Федор Михайлович рассказывал о своей ссоре с Тургеневым. Копию, то есть выписку, как установили недавно, сделал и переписал Бартевневу Н.П. Барсуков с предположением «сохранить этот документ для потомства», указав, что он должен явиться в свет не ранее 1890 г. Бартевнев такой публикации не осуществил. Но слухи о ссоре Достоевского с Тургеневым ходили в Москве и Петербурге.